

18+
ТАМЕРЛАН КАРЕТИН

Жизнь продолжается

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Тамерлан Каретин
Жизнь продолжается.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68044025
ISBN 9785005696694*

Аннотация

Я медленно выпустил в небо дым от сигареты, он замерцал от слабой игры костра и безвозвратно растворился. Вслед за сгорающими звездами. В небытие. Именно ради этого момента мы и поднимались сюда. Стоило ли оно того? Да, черт возьми, тысячу раз стоило... Все в тот миг казалось таким незначительным и таким далеким. Все наши жизни, оставленные где-то там, где-то внизу, за тысячи километров от этого тихого и сказочного места...

Содержание

Долг по праву рождения	5
Первая рота	22
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Жизнь продолжается

Сборник рассказов

Тамерлан Каретин

Фотограф Р. В. Савченко

Фотограф А. С. Карпинский

Фотограф А. Ю. Донской

Корректор Татьяна Князева

Фото на обложке Тамерлан Каретин

© Тамерлан Каретин, 2022

© Р. В. Савченко, фотографии, 2022

© А. С. Карпинский, фотографии, 2022

© А. Ю. Донской, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0056-9669-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долг по праву рождения

В один светлый-пресветлый осенний день Родина решила, что достаточно с меня мучиться свободной, полной повседневными нудными хлопотами жизнью. Пора немножко и отдохнуть (в основном от самостоятельности и финансовых трудностей), пожить, так сказать, в свое удовольствие на полном государственном обеспечении. Да-да. Шикарные, а самое главное – совершенно бесплатные условия государственного туристического органа под названием военкомат. Взамен я в течение года должен оберегать ее границы (или что там еще?) от посягательств потенциального неприятеля. Примерно такого содержания письмо я обнаружил днем в своем почтовом ящике. С отсылкой, конечно же, к статьям государственного возмездия для злостных уклонистов (в самом конце маленькими буквами).

Ввиду временного отсутствия работы и финансового фундамента, способного уговорить Родину (чем и воспользовались многие мои знакомые и друзья) от посягательств на мою свободу, я решил, что это вполне приемлемая идея. Время казалось самым что ни на есть подходящим. Институт с горем пополам я окончил. Грандиозные планы и перспективы на дальнейшую беззаботную жизнь даже не мелькали на горизонте. Тем более призывали-то меня всего лишь на год, не то что раньше – на два, а то и в случае попадания на флот

все три года. В тот момент я не подозревал, что время – штука очень непостоянная, способная менять скорость своего течения в зависимости от обстоятельств. Если тебе хорошо – оно, как назло, ускоряется и летит с бешеной скоростью, в тяжелые же моменты замедляется, чтобы ты успел хорошенько ими насладиться и прочувствовать. И кто это только придумал? Непонятно. Но весьма хитро.

Я не задумывался, что обыденные на гражданке ситуации на службе обретут новый смысл и заиграют яркими красками (например, сходить в туалет без разрешения), а которые были хорошими – исчезнут из моей жизни ровно на год, оставив лишь тоскливые воспоминания.

– Почему бы и нет, – сказал сам себе я, стоя в подъезде у почтового ящика и помахивая в руках повесткой, как веером.

– Психологу скажи, что добровольно пришел в военкомат – Родине служить, того гляди он тебя к обеду уже и домой отпустит, – не упустил возможность подшутить над ситуацией отец, когда я показал ему повестку. – Мамка как раз борща наварила.

Не знаю, догадывался ли он, что тоже является одной из главных причин, почему я даже не думал прятаться от военкомата. Если служил отец, сыну должно быть стыдно косить. Мнение мое и, как говорит один из моих любимых писателей и общественных деятелей, «не обязательно правильное». Тем более что отцу пришлось ходить в сапогах два

года. Мне же «светил срок» вдвое короче. Тьфу... Сегодня ушел – завтра вернулся.

Если быть честным до конца, то после защиты диплома о высшем профессиональном образовании, ровно три месяца назад, до получения этой дивной посылки, я пришел в городской военкомат. Сам. Лично. Руководствуясь логикой, быстрее начнешь – быстрее закончишь. На входе на меня смотрели как на дурака, но я знаю, что такие люди попадают и не так уж и редко.

– Я пришел служить.

– Хорошо, – сказала мне девушка. – Ваша повестка?

– Я ее не получал... Знаете, я только окончил университет и вот...

– Ясно. Фамилия?

Я представился. Она быстро выписала на мое имя повестку и торжественно мне ее вручила.

– Приходите завтра к девяти утра с паспортом. – И потеряла ко мне всякий интерес, но я был доволен. И горд. Горд и доволен. Заходя в подъезд своего дома, я закинул эту повестку в почтовый ящик, зная, что отец, приходя с работы, всегда его проверяет. Мне почему-то хотелось, чтобы вручил мне ее именно он. Так и случилось. Он зашел домой, широко улыбаясь. Я делал вид, что не понимаю, что происходит. Можно считать меня чудаком, но было очень весело. К слову сказать, тогда меня не взяли. Ввиду перемены прописки (а это случилось за полгода до описываемых событий) мое

личное дело так и не прибыло с предыдущего места проживания. Оно еще находилось в пути.

И мне отказали. Сказать, что я был расстроен, — это не сказать ничего. И вот сейчас, спустя три месяца, находясь в том же подъезде и рассматривая новую повестку, к появлению которой я не имею уже никакого отношения, я ощутил неожиданное и приятное учащение пульса.

На следующее утро я стоял в коридоре городского военкомата и рассматривал эти красивые плакаты с танками и самолетами, которыми принято украшать стены соответствующих заведений, заманивая потенциальных клиентов.

Весь процесс прохождения медицинской комиссии был очень утомительным. Худошавые, напуганные и в своем большинстве восемнадцатилетние мальчишки в трусах шныряли по коридорам, передвигаясь из кабинета в кабинет, и доказывали врачам реальность своих болезней, которые придумывали накануне всей дружной семьей. Чтобы любимому «сыночке» не отбили там голову. А возможно, начали готовить их намного раньше. Ну и естественно, нельзя упускать тот момент, что были и те, которым здоровье в действительности не позволяло заниматься подобным родом деятельности, несмотря на столь короткий срок, что тоже необходимо было доказать очень мнительным врачам.

В моем же случае все проходило гладко ровно до одного момента. Кардиограмма (ЭКГ). В последний момент, когда я должен был получить заключение и был уже в предвкуше-

нии красочной армейской жизни, женщине-врачу не понравилась кривизна линии биения моего сердца. Мои убеждения, что все нормально и никакого дискомфорта в области груди я не испытывал, на нее не повлияли никоим образом. Комиссия меня допустила, но выдала на руки еще одно направление на дополнительное обследование сердца. ЭхоКГ или что-то тому подобное, я не сильно интересовался врачебной терминологией. Я уже настроился и двигался к цели, а когда я такой – остановить меня практически невозможно. Но результаты этого обследования нужно было предоставить на окончательной комиссии, там и решается судьба призванного: отсрочка, белый билет или отправка в войска.

– Приходи с анализами в назначенное время, мы посмотрим и решим, может, и домой отправишься, – автоматически сказала мне врач, заполняя какие-то бумаги на письменном столе. Ее лицо не отражало ровно никаких эмоций в этот момент. Ей было все равно. В отличие от меня. Мне такой ответ совершенно не годился.

– Мне домой не нужно, я служить пришел, – ответил я.

Она оторвала свой взгляд от бумаг, посмотрела на меня и добавила твердым военным голосом:

– Сдашь все необходимое и придеешь, а там посмотрим. Все. Свободен.

Дата прибытия в военкомат была назначена. На руки мне выдали список вещей, которые необходимо взять с собой, большинство из которых впоследствии окажутся непригод-

ными для службы из-за несоответствия уставным требованиям и будут ликвидированы по приказу старшины. Но это будет потом.

До часа икс оставался еще целый месяц. И решил я наведаться к врачу с этим самым направлением, для самоуспокоения, а не ради попытки откосить. Плохая кардиограмма заставила немного понервничать. Вдруг и правда что-то не так. Бабушка божий одуванчик в окне записи на подобные процедуры в городской поликлинике сказала, что на данную процедуру очередь в несколько месяцев и она может записать меня только на конец ноября.

– А пораньше никак? Мне уже поздновато будет, меня в армию заберут, – вполне вежливо поинтересовался я.

– Пораньше никак. Хорошей службы, – ответила она, и на ее лице появилась улыбка, которой, кажется, не было там очень долгое время. Мне же эта шутка не показалась такой уж смешной. И, попрощавшись, я спешно покинул это место.

Одного месяца безделья вполне хватило для организации нескольких проводов с друзьями и закрытия всех насущных вопросов на год вперед. Несколько раз домой к родителям приходили из военкомата вместе с участковым – посматривали, вдруг я уже передумал и ищу пути отступления. Так что ближе к сроку я не мог дожидаться этого ответственного мероприятия по превращению мальчика в мужчину, чувствуя себя собакой на поводке перед прогулкой.

И вот наступил тот самый день — дата явки, указанная в бумагах жирным шрифтом. Видимо, чтобы не перепутать. Осень. Октябрь. 28-е число. Утро. Легкая папина улыбка и мамины слезы провожали меня из родной, теплой и уютной квартиры в непонятный мир погон, приказов и марш-бросков. В мир дедовщины и уставщины. В мир солдат и офицеров, прапорщиков и генералов. Отец, думаю, вполне представлял, что ждет меня. За двадцать пять лет с момента его службы там не поменялось ровным счетом ничего. Солнце последними теплыми лучами провожало меня в сказочную страну под названием «срочная служба» в непобедимых Вооруженных Силах Российской Федерации.

Спустя два часа я оказался в распределительном окружном пункте, куда растерянных срочников доставляли со всех окрестностей. Здесь и проводилась последняя, заключительная медицинская комиссия со всеми уже знакомыми процедурами (включая далеко не самые приятные, такие как заглядывание в задницу... до сих пор не пойму, что врачи там хотели увидеть). Нам на руки выдали медицинские карты, где и лежала моя злополучная «некрасивая» кардиограмма. Чтобы задавали поменьше вопросов, я зашел в туалет, аккуратно вырвал эту страницу, свернул и убрал в задний карман джинсов, туда, где лежало изрядно потрепавшееся за этот месяц направление на эхоКГ (на всякий случай прихватил с собой и его). И да, я серьезно настроился служить...

«Все равно в карте имеется кардиограмма, которую дела-

ли в девятом классе, в самое первое посещение военкомата, – подумал я. – Пусть смотрят на нее».

При таком потоке новобранцев врачи не будут с лупой в руках изучать все, что кажется им странным. Финальный осмотр, как правило, весьма поверхностен. Скорее всего, они ничего не заметят, ну или решат, что она где-нибудь затерялась. В крайнем случае можно сделать вопросительно-удивленный взгляд, походить поискать вокруг и найти (не без труда, конечно же). Пару идей на этот случай у меня имелось. Я был готов.

Этот военкомат считался областным, от нашего города нас везли на автобусе. Все врачи здесь были мне незнакомые, совершенно новые, да и среди призывников не попалось ни единого знакомого лица. Меня это нисколько не беспокоило. Очереди, белые халаты, осмотры – все повторялось с самого начала.

– А где кардиограмма? – спросил какой-то врач, с умным лицом листая мою медицинскую карту.

– Вот же. Не она разве? – с серьезным лицом ответил я, сохраняя максимальное спокойствие и указывая пальцем на школьный экземпляр.

«Делай рожу топором, – вспомнился мне хороший совет одноклассника, когда мы пытались бесплатно пройти в клуб, – к таким людям не пристают и лишние вопросы не задают».

Этот совет был невероятно хороший. Я пользуюсь им

до сих пор, проезжая на машине мимо поста ДПС. Стоит только засомневаться, занервничать и забегать глазами – они это почувствуют и сразу же остановят. Спокойствие, отрешенность и уверенность в себе создают вокруг тебя невидимое поле защиты от лишних и ненужных вопросов.

Разбираться с этим у врача не было совершенно никакого желания, за мной стояла очередь из нескольких десятков напуганных ребят с такими же картами в руках. Каждую из которых нужно было по крайней мере подержать в руках. Спустя несколько секунд я заполучил его подпись и последнюю необходимую печать «годен» на листок заключения.

Далее события развивались менее стремительно.

Разместили нас всех во временной казарме, без белья и каких либо человеческих условий. Одно большое помещение с двухэтажными кроватями и грязными матрасами. Кровати стояли в два ряда одна возле другой, около пятидесяти штук. Во главе нашего ничего не понимающего стада поставили несколько постоянно орущих местных сержантов. Началось томное ожидание «покупателей». После окончания всей бумажной волокиты будущие солдаты сидят в одном прекрасном месте (таком, как это), куда приезжают офицеры из разных военных частей, а то и из разных частей страны, и по личным делам набирают себе необходимое количество людей из предоставленных. «Покупатели».

Сержанты в это время следят за порядком. Для людей, далеких от всей этой военной формулировки, поясняю, что

сержанты – это те же солдаты срочной службы (бывают, конечно, и контрактники, но не в нашем случае), отслужившие уже больше половины своего срока и получившие соответствующие звания и власть. Они являются маленькими командирами для вверенной им горстки солдат. Но, как мы после узнали, не для нас (солдат, не принявший военную присягу, не является полноценным). Сержанты, выполняя роль собак в овечьем стаде пастуха, не упускают ни единого случая наорать на непонятливых призывников. Это своеобразный прием, детское время закончилось – добро пожаловать в армию. Позже стало ясно, что здесь это обычная форма общения, перенятая у своих сержантов и передаваемая следующему поколению наследников. Слушать по-другому тебя не станут.

Закинув свою сумку под кровать, я завалился в одежде и обуви на весьма потертый матрас и уставился вверх. Первая фраза, попавшаяся мне на глаза, нацарапанная на дне верхнего яруса кровати (а их там было дивное множество, в основном названия городов и перечисление имен), гласила: «Если ты это читаешь – то ты попал...» На моем лице отразилась легкая улыбка. Ненадолго. Появится она там в следующий раз еще не скоро.

В течение нескольких последующих часов наше новое место обитания пополнялось новоиспеченными защитниками Родины. Некоторых заносили и кидали на кровать в совершенно недееспособном состоянии – провода изрядно затя-

нулись. Непонятно, как в таком состоянии они умудрялись проходить врачей.

После обеда, который прошел без обеда, в казарму заходили незнакомые офицеры со стопками личных дел солдат в руках. Первые «покупатели». Они называли фамилии, солдаты вставали в ряд в центральном проходе со своими вещами. После чего исчезали вместе с офицерами в дверном проеме. Больше я их не видел. Куда кто отправлялся – держали в тайне. Или просто не считали нужным сообщать остальным. В общем, наша большая новоиспеченная семья то росла, то уменьшалась. Мое состояние не менялось вплоть до самого вечера, я продолжать лежать в горизонтальном положении и ждать, когда прокричат мою фамилию. Ждать, пока определится моя дальнейшая судьба. Ожидание и неопределенность невероятно утомляли, а ведь некоторые новобранцы проводили здесь в ожидании двое-трое суток. Я такой незавидной и скучной участи умудрился избежать.

Ближе к вечеру нас, оставшуюся треть от первоначального числа счастливицков, решили все-таки покормить. Построили в два ряда и повели в столовую. К этому времени я вспомнил, что ел сегодня только утром с родителями, и сразу проголодался. Поэтому я шел в предвкушении, а вернулся в разочаровании. Я и раньше слышал, что солдат не балуют заморскими деликатесами, но такого явно не ожидал. Сказать, что еда в столовой была не самая аппетитная в моей жизни, – это не сказать ничего. После маминых пирожков

все здесь было просто ужасным и безвкусным. Такой «бодяги» я не ел, наверное, никогда, а ведь в голодные студенческие годы бывало всякое. Потыкав вилкой в сомнительной свежести слипшиеся макароны, я запил хлеб компотом, по вкусу и цвету напоминающим сырую воду (они отличались лишь названиями), и отправился обратно. Хлеб мне понравился. Обычный, покупной.

По окончании первого в моей жизни и незабываемого солдатского ужина долго лежать не пришлось. В помещение временной казармы зашли несколько человек в военной форме и приказали всем оставшимся построиться. Тогда я еще не разбирался в званиях и не имел представления, кто стоит передо мной. Хотелось уже попасть хоть куда-нибудь, лишь бы свалить из этого перевалочного пункта.

После череды наводящих провокационных вопросов про наш прошлый образ жизни нас разделили на две группы.

«Задерживала ли вас милиция?»

«Привлекались ли вы к какой-нибудь ответственности?»

«Пьете алкогольные напитки чаще пяти раз в неделю?»

«Пробовали наркотические вещества?» и т. д.

Вопросы, на которые любой адекватный человек, хоть немного соображающий, в чем смысл происходящего, всегда отвечает «нет». Даже если он держится на ногах из последних сил, ибо пьян с самого утра.

В этом у меня не было сомнений, и я искренне удивился, когда многие молодые ребята отнеслись к этому со сме-

хом, свойственным подростковому безмозглому возрасту. Так что спустя пятнадцать минут группа «весельчаков» (людей смеющихся, гордо отвечающих на большинство вопросов «да») даже превосходила остальных в численности. Позже нас с ними разделили и отвели в другое помещение, там выдали комплект военной формы одежды, а сопровождающий офицер радостно объявил, куда мы направляемся. Оказалось, что не так далеко, всего пара часов езды. Правда, городок оказался военным, вследствие чего – закрытым, с повышенным режимом секретности (родственников и друзей просто так не пускали). Вторую группу, «весельчаков», отправили в строительный батальон за Урал. Когда им это озвучили – большинство уже не смеялось.

Надев на себя кое-как выданную одежду, мы в два ряда вышли в город. Весь путь от распределительного пункта до железнодорожного вокзала был преодолен отрядом, больше походившим на пиратский, нежели на взвод регулярной армии, за полчаса. Будто бы мы разграбили склад с военной одеждой и напялили на себя все, что смогли унести. Несуразные, не умеющие маршировать и ходить в ногу, немного взволнованные постоянными переменами и уставшие, чиркающие подошвами не по размеру больших берцев по асфальту, укутанные в объемные и совершенно несезонные зимние куртки (весь комплект одежды на год выдавали сразу), мы передвигались по улицам города. Спереди шел единственный сопровождающий нас офицер – подтянутый, ши-

рокоплекчий, аккуратно одетый с иголочки.

– Не подведите наш город, бойцы! – крикнул нам вслед старичок, сидевший на лавке у подъезда, заметив проходящий мимо взвод новобранцев.

Ему никто не ответил. Всем было не до него, все были погружены в свои мысли в ожидании неизвестности. В предвкушении чего-то, о чем так много слышали, но не знали в действительности ничего.

Миновав пару вокзалов, мы загрузились в военный автобус. Еще час езды по ночным дорогам, несколько металлических ворот с автоматчиками, и наша дружная команда в 30 человек оказалась в новом, незнакомом мне ранее маленьком городке. Снаружи обнесенном забором с колючей проволокой и лесом. На главной темной улице красовалось несколько кирпичных пятиэтажных домов, остальные были деревянными двухэтажными. Центральный типовой проспект, небольшой пруд в центре города и памятник Ленину (само собой). Городок оказался маленьким и довольно мрачным с первого взгляда. Да и со второго, и с третьего. Пройдя последний КПП с сонными недовольными солдатами, мы приблизились к ближайшему трехэтажному кирпичному строению с красной табличкой «Казарма» у входа. Поднялись по лестнице на третий этаж. Улыбающийся сержант со значком «Дежурный по роте» на груди встретил нас на входе и очень долго с любопытством рассматривал. Позже он указал на пустые, заправленные синим одеялом кро-

вати. Они стояли в несколько рядов с двух сторон. На большинстве, укутавшись поглубже в колючее и грубое одеяло, спали солдаты. В расположении роты было темно. Свет горел только у входа, где по стойке смирно стоял еще один солдат – это был дневальный по роте. В его обязанности входило стоять так целые сутки и встречать всех посетителей, периодически меняясь со вторым дневальным. Сразу бросились в глаза чистота и порядок, особенно в сравнении с перевалочной казармой на распределительном пункте. На каждом стуле у кровати одинаково аккуратно была сложена одежда, а перед каждой кроватью лежал маленький коврик (не совсем понятно для чего) и зеленые тапочки (у меня такие же лежали в рюкзаке за спиной). Казарма оказалась в два-три раза длиннее распределительной, отсутствовали двухъярусные кровати, вдоль стен стояли шкафы для бушлатов. Я побросал вещи на стул, лег на скрипучую пружинистую кровать и мгновенно провалился в царствие Морфея, только коснувшись головой мягкой подушки.

«Надо поспать, завтра будет жопа...» – мелькнула и растворилась в уставшей голове мысль. Так я и оказался в первой роте закрытого военного городка. Здесь солдатики проходили полгода «учебку», после чего большинство отправляли служить в другие части, разбросанные по всем отдаленным уголкам нашей необъятной Родины.

Так я и ушел из дома в неизвестность гражданским человеком, а проснулся на следующее утро защитником Оте-

чества. Не имеет смысла рассказывать про все нюансы армейской жизни. Большинству людей об этом и так известно. Написано много книг, снята куча фильмов, прочувствовано, в конце концов, на собственном опыте. Это неинтересно и непонятно человеку, не прошедшему эту школу жизни, а побывавшему там – ностальгически приятно. Приятнее всего, что все это наконец-то закончилось.

«О чем еще общаются старые друзья при встрече? Кто какую бабу трахнул, кто какое пиво выпил и об армии...» – произнес однажды один офицер во время торжественного мероприятия перед самым дембелем (увы, это будет еще не скоро). И спустя много лет я поражаюсь грубой и быдловатой точности произнесенных им слов.

Но в этой истории я хотел бы коснуться лишь некоторых, показавшихся мне наиболее забавными эпизодов. Хотя человек, незнакомый с армейской жизнью, окажется иного мнения. Ему это покажется странным и дебильным, но уж точно не забавным. Жизнь в армии открывает много чего интересного, сразу становится видно, кто из окружающих что из себя представляет. Здесь людям становится тяжело носить маски дружелюбия и лицемерия, так прижившиеся в обыденной гражданской жизни. Суровые условия создают благоприятную атмосферу для всех внутренних демонов каждого, которые так и норовят вырваться наружу, потому что быть правильным и добрым всегда сложнее. Если тебя опустили в грязь, гораздо легче дальше жить свиньей, чем сохранить

человечность и отмыться. Тяжелые условия и страхи делают людей прозрачными, их становится видно насквозь, но самое главное, если не закрывать на все глаза, то становится понятным, что собой представляешь ты сам. И тут важно не испугаться.

Первая рота

О, как спокойно и прекрасно я жил раньше...

В первое утро с криками и орами мы совершили наш первый армейский подъем. Кто не успел быстро соскочить с кровати, оказался на полу вместе с этой самой кроватью. Такой вот перевертыш. После хаотичного и беспорядочного передвижения нас построили, посчитали, а дальше все дружно и весело отправились на пробежку. Бегать в легких кроссовках – это своего рода удовольствие. Пробежка в жестких новых кожаных берцах с наспех намотанными неопытной рукой на ноги портянками была мукой. Выданные в военкомате носки с утра сразу же забрали, поскольку в армии все должно быть однообразно (и безобразно), а носки оказались только у нас, прибывших накануне. Все остальные благополучно использовали вместо них тряпки, которые выглядели старше меня. Нам один раз быстро показали, как их наматывать и, посчитав это достаточным, отправили бегать. Каждый оберегал свои ноги, как мог, но на первой утренней пробежке спасти их от мозолей просто невозможно. К окончанию зарядки многие хромали, а ноги истерлись до крови.

По возвращении с улицы солдаты умылись, да так быстро, что я успел лишь сходить в туалет мельком взглянуть, как умываются другие. Так же, как и я, в принципе, мог бы... В первые дни на все времени категорически не хватало

и приходилось выбирать – туалет или умывальник. Организму требовалось время, чтобы перестроить внутренние часы и настроиться на режим. Кто-то быстро привыкает, кто-то медленнее, у кого-то данный процесс сопровождается быстрым сжиганием накопленных дома на диване жиров и удивительным похудением, но со временем втянутся все. Это можно сказать со стопроцентной уверенностью.

Дальше сержанты стали распределять людей по взводам. Каждый из них пытался выбрать себе наиболее полезных и соображающих ребят (шаристых). Определить это с первого взгляда довольно тяжело, но брать в свой взвод потенциальных будущих «залетчиков» и «затупков» никто не хотел, а пришлось. Особым спросом пользовались люди, обладающие полезной в этих условиях специальностью. Парикмахеры, повара и врачи сразу были нарасхват. Причем необязательно было владеть профессией. Достаточно было сказать: могу, умею, сделаю. Так, рядом стоящий со мной новобранец, с которым мы вместе ехали в электричке, заикнулся, что в детстве играл на пианино.

– О, музыкант. Отлично, музыканта нам как раз и не хватает, вот тебе инструмент, – сказал низкого роста и с наглым взглядом младший сержант и, засунув под кровать руку, достал оттуда пыльный дырявый барабан.

– Но ведь он порван, нужно заменить полотно, – удивился солдатик, крутя первый раз в жизни в руках инструмент со сквозным отверстием в полотне размером с апельсин.

– Полотно... хм-м-м... вряд ли... ты же в армии, вот обклеить альбомный листок скотчем и обтянуть им барабан – это да! Осталось только найти листок и скотч. Ну, это уже твои проблемы, завтра рота идет в столовую под барабанный стук. Ясно? – объяснил ему грубым и басистым голосом дальнейшие действия подошедший старшина.

Вот так юный пианист и стал неплохим барабанщиком. И благополучно стучал в барабан под дружный топот сотен солдат целый год.

Старшиной в этой роте оказался такой же солдат срочной службы, как и мы, только на призыв постарше, они менялись здесь каждые полгода совместно со всем сержантским составом. А для того, чтобы стать настоящим старшиной, истинным, тем, про которого сочинены тысячи армейских анекдотов, нужно было врожденное призвание. Такими людьми не становятся, ими рождаются. А еще – склад ума, характера, большой стаж и погоны прапорщика. Без этого никак. С такими людьми мы обязательно познакомимся, но чуточку позже.

На завтрак в столовой давали кашу, масло, хлеб и какой-то мутный напиток, который повара почему-то называли «кофе», хотя я не заметил между ними ни единой общей черты, даже самого крошечного сходства. Ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Привыкнуть в местной еде получилось не сразу, она оказалась немного приятнее, чем на распределительном пункте. Немного, но все же. Только через месяц службы

все, чем кормили в столовой, начало казаться действительно вкусным. Будто повара издевались над новобранцами, положив в первый день самую пресную и безвкусную еду, но постепенно с каждым днем добавляя в нее специи и приправы.

В ответ на мое негромкое предложение помыть перед завтраком руки прозвучал ответ, запомнившийся мне до конца службы:

– Зачем их мыть, есть же идем? Там на ваши руки смотреть никто не будет.

«Ясно», – подумал я.

На ужин были куриный плов, яйцо, хлеб и чай. Напротив меня за столом сел высокого роста новобранец, звали его Игорь. Спустя несколько секунд трапезы раздался странный хруст. За столом сидело еще пятеро, и все в один миг остановились и уставились на источник звука – Игоря. Он сквозь боль попытался улыбнуться, не открывая рта. Никто до конца так и не понимал, что произошло и что за страшный звук ломающихся костей нарушил мерное чавканье и постукивание ложек о тарелки. Ровно до того момента, пока он не открыл рот и не улыбнулся. Мне стало немного не по себе. Не то чтобы прям сильно, но аппетит эта картина подпортила весьма изрядно. Кость из плова неудачно попала на передние зубы Игоря, и они выпали... прямо в тарелку, оставив на предыдущем месте лишь два небольших черных штырька. Кровь смешалась с пловом и побежала маленькой струйкой по его подбородку. Как выяснилось позже, два передних

зуба оказались вставные из-за увлечения с ранних лет видом спорта под названием хоккей. Я посмотрел на свою тарелку и, решив, что не так уж и голоден, отодвинул ее в сторону. Он, извиняясь, вытащил окровавленные зубы из плова и продолжил есть, жмурясь от боли.

— Кушать просто очень хочется, — увидев наши напуганные взгляды за столом, оправдываясь, сказал Игорь.

Спустя неделю половина новобранцев оказалась в военном госпитале. Кто-то пытался спрятаться и отсидеться там первые самые тяжелые дни службы. Кого-то действительно стало подводить здоровье, но что-то, а вот мозоли на ногах появились у всех. Личную гигиену в полной мере соблюдать было просто невозможно, плюс привыкание организма к тяжелым условиям сказывалось на всем. Так называемая армейская акклиматизация. Мозоли начали гнить, температура подниматься. Любая вовремя необработанная царапина грозила серьезными последствиями. Мне же грязь каким-то образом попала под ноготь среднего пальца на ноге, и он начал темнеть.

Сержант, увидев на утренних спортивно-массовых мероприятиях мой чернеющий палец, решил показать меня врачу. Дабы его не ампутировали раньше времени.

Перед отправкой в госпиталь нас построили и напомнили, что мы пришли защищать Родину, а не на койке отлеживаться, что в расположении роты вас ценят, любят и ждут. А врачи здесь в первую очередь военнослужащие, так что

«если вам оторвет руку, то ее, конечно же, пришьют, но, скорее всего, не туда». Никто не любил людей, долго прячущихся по госпиталям. Ни солдаты, ни сержанты, ни офицеры. Я вначале этого не понимал, потом втянулся – начал так же их не любить, как и все.

«Калечи» – одно из армейских определений тех солдат, которые по какой-то причине вынуждены ложиться на больничную койку. Их сбор осуществлялся утром. Каждый утром. После набора всех «желающих», здоровых, но пытающихся откосить от добросовестной и благородной, по мнению старшины, службы, отсеивали. Оставшаяся группа из трех-пяти (а в начале службы временами и десяти) человек следовала пешком к врачу в военный госпиталь, естественно, под присмотром старшего офицера или сержанта и шагая в одну ногу. Даже если ты хромой, кривой и косой – шагать в госпиталь все должны одновременно. Ведь, как уже упоминали, все в армии должно быть безобразно, но однообразно.

Госпиталь представлял собой четырехэтажное кирпичное здание, совершенно внешне не отличающееся от типичных городских больниц. В коридоре первого этажа солдат (в том числе и меня с моим синим пальцем) построили в две шеренги. Из кабинета напротив строя вышел человек в белом халате и военных штанах. Старший врач, а по совместительству капитан Вооруженных сил Российской армии, родом из Республики Дагестан по имени Магомед. Среднего роста, с ши-

рокой спиной и невыбрывающей щетиной на лице. Он улыбнулся, увидев вновь прибывших, и сразу поприветствовал воодушевляющей речью с небольшим кавказским акцентом:

– Итак, воины. Я приветствую вас здесь и сразу хочу прояснить некоторые вещи, чтобы исключить дальнейшие недопонимания между нами. Мне пришлось выучить великий и могучий русский мат, чтобы пойти служить в нашу доблестную армию, с вами же все гораздо проще. Пришли защищать Родину – защищайте. Насильно вас сюда никто не тащил, а укрываться и отсиживаться от службы в моем госпитале по выдуманным причинам я не позволю никому. Всем все понятно? Вы мужчины – вот и ведите себя соответственно.

– Так точно, – вяло попытались в один голос ответить люди, надеющиеся на медицинскую помощь.

– Быстро по одному ко мне и бегом обратно в казарму. Симулянтов не потерплю. Нуждающимся помогу. – Он вновь улыбнулся и зашел в свой кабинет.

Сразу после предварительного осмотра Магомед направил меня к хирургу. Я разместился на высоком стуле напротив столика с кучей страшных инструментов. Высокий врач с каменным лицом посмотрел на мой синий палец и сказал:

– Ноготь вырвем, обработаем. Надеюсь, что палец отрезать не придется, домой тебя еще рано отправлять, а без пальца могут и комиссовать.

Терять палец беспричинно совершенно не хотелось, по-

этому после разговора с врачом я был немного в растерянности.

«Как так-то? Я продержался всего неделю? Если меня отправят домой – это будет позор», – размышлял я, наблюдая, как врач подготавливался к мини-операции. Он аккуратно разложил на столе передо мной и моей опухшей ногой целый набор садистских инструментов. Достал небольшой шприц с непропорционально гигантской иглой, поднял перед собой, посмотрел и слегка надавил. Тонкая струйка прозрачной жидкости метнулась вверх. Затем он протер влажной спиртовой ваткой мою ступню и резким движением воткнул иглу прямо в синий ноющий палец со словами:

– Обезболивающее, ты ничего не почувствуешь, – немного подождав, добавил: – Ну... подействовало?

Игла была настолько велика, что мне казалось, он проткнет ею палец насквозь.

– Откуда я знаю? – ответил я, морщась от неприятной процедуры. Затем посмотрел на синий, кровоточащий и гноящийся из-под ногтя палец. – Как ничего не чувствовал, так и не чувствую.

Врач, видимо, посчитал это командой к началу операции. Зажал ноготь инструментом, отдаленно напоминающим плоскогубцы, и плавно потянул на себя. Ноготь остался на месте, но я почувствовал, что обезболивающее все-таки еще не подействовало. Вся гамма чувств от неожиданной боли передалась из пальца в мое горло. Я вскрикнул. Этот врач

заставил меня волноваться второй раз за пять минут нахождения в его кабинете. Я такое не люблю.

– Это хорошо, нервы целы, палец должен сохраниться, – продолжал он искать положительные моменты в происходящем и вновь потянулся к ноге.

Следующая его попытка оказалась более успешной, чем первая. В этот раз я уже не орал, я был готов и сдержался, но боль вырываемого ногтя прочувствовал всю, от начала и до конца. На секунду я решил, что оказался не в военном госпитале, а во вьетнамском плену.

– Вот, кажется, и обезболивающее подействовало, – сказал я и расслабленно облокотился на спинку стула. Нога стала ватной, боль притупилась и плавно заменялась бесчувствием. Легкие мурашки побежали от самых кончиков пальцев вверх по ноге, к паху. Врач довольно профессионально и аккуратно орудовал бинтом, перематывая мне ступню целиком.

– Полежишь недельку у нас, а потом снова в бой... – добавил он, даже не глядя на меня, а наслаждаясь своим детищем (моей мумифицированной ногой).

Режим в военном госпитале по своей структуре не отличался от казарменного. Рано утром подъем, перекличка, завтрак, обед, ужин. Те, кто способен передвигаться, отправляются на уборку территории. Ключевое отличие было лишь в том, что здесь в свободное время ты можешь лежать на кровати, а делать это весь день с перемотанной ногой неверо-

ятно утомительно. Время в горизонтальном положении идет крайне медленно. Досуг был тот же и совершенно не оригинальный. Вечером старослужащие собирали молодых и разговаривали с ними. Расспрашивали, кто и чем занимался «на гражданке», где работал, каких девок «топтал», какие интересы по жизни. За долгое время в армии они отвыкли от обычной жизни, от того, что можно делать все, что захочешь, и не нужно для этого спрашивать разрешения. Они скучали по этой жизни, и эти рассказы им действительно были интересны, они напоминали им о беззаботном и счастливом времени. И о том, что оно вскоре вернется.

Спустя пару дней я научился нормально передвигаться, и это не осталось незамеченным. Меня сразу же отправили на уборку территории с остальными «ходячими». Поздняя осень. Листья неустанно сыпалась с деревьев и, казалось, не закончится никогда. Вот-вот должен пойти снег и похоронить под собой все дороги и бордюры, сменив в наших руках метлы на лопаты. В госпитале для передвижения по улицам выдали весьма странную на первый взгляд, да и на второй, одежду (военную форму забирали в казарму): старую шапку-ушанку, кофту на пуговицах с короткими рукавами (всегда с короткими), короткие штаны без пуговиц и галоши. Правда, предоставили выбор одежды – синего или коричневого цвета. Со стороны мы были похожи не на военнослужащих, а на клиентов психиатрической больницы на осенней прогулке, причем постоянных. И наши вечно потерянные

лица новобранцев идеально вписывались в эту роль. С метлами и граблями в руках, в этих забавных неразмерных костюмах мы вышли на улицу.

– Сфотографироваться бы сейчас да родителям отправить. С подписью: «Мама, смотри, я в армии», – сказал один сослуживец, оказавшийся со мной в этой ударной противотанковой группе. – Не поверит...

Смех сквозь слезы, да и только.

Спустя неделю собирания нескончаемой желтой листы, а по большей части безделья (хотя стоит отдать должное – в госпитале было много книг и читать их не запрещалось) врачи посчитали меня здоровым и вернули в казарму. Здесь был один невероятный и на первый взгляд незаметный плюс – времени скучать не оставалось. Ты все время в деле. Скорее всего, бесполезном и никому не нужном, но в деле.

Уже с порога раздаются дикие крики. В армии вообще очень часто на кого-то за что-то кричат. Утром, днем, вечером. Во время подъема, пробежки, умывания или приема пищи. Если ты делаешь что-то медленнее или быстрее остальных. Всегда раздаются крики. Это неотъемлемая часть армии. Крики и мат.

Так доходчивее и быстрее объясняется.

В госпитале кричали намного меньше. Лишь однажды я видел, как старшая медсестра говорила на повышенных тонах с уже в край обнаглевшими солдатами, что позвонит в роту и сообщит, что они нарушают дисциплину, и их вы-

пишут, несмотря на все их болячки. Это подействовало превосходно. Офицеры не любят таких «залетов» своих подопечных. Возмездие неминуемо. Старшая медсестра была весьма мудра и опытна в отношениях с солдатами. Некоторые ее высказывания запомнились мне на всю жизнь, такие как «не бывает не дающих женщин, бывают плохо просящие мужчины». Да, за словом она в карман не лезла.

Но больше всего за неделю перерыва казарменной жизни я отвык от утреннего армейского будильника: три строевых шага и крик «рота, подъем» – это незабываемо. В первое время от этого резкого пробуждения некоторые солдаты падали в обморок прямо в строю. Может, проблемы с давлением, может, еще что. Причин никто не выяснял. Утро, подъем, все построились в нижнем белье, тишина, и тут бац. Один из строя падает плашмя, лицом прямо на линолеум. Нашатырного спирта, конечно же, рядом не было, и его приводили в чувства при помощи воды и полотенца. Если же на осмотре присутствовал командир части или еще кто-нибудь из высшего руководящего звена, солдату давали нюхать перекись водорода, он же в свою очередь должен был сделать вид, что это «нашатырь». Вот такие интересные игры.

Во время поздней осени, когда отопление в казармах еще не включили, а на улице всюду дул пронизывающий холодный ветер, температура в казарме не поднималась выше пятнадцати градусов. А поскольку теплые одеяла для простых солдат были не предусмотрены, то и спать приходилось под

тонкими и колючими, скрутившись калачиком. Холод ночью не давал заснуть. Усталость пыталась погрузить в сон, но холод настырно этому препятствовал. Сколько в кровати ни крутись – выспаться невозможно. Но и здесь сержантская смекалка находила простой и проверенный поколени-ями служащих выход. Рота вставала в центре казармы, солдаты хватали друг друга за плечи и начинали нагревать помещение... Одновременными приседаниями. И нам жарко, и в помещении становится теплее.

– О-о-о, уже восемнадцать градусов, – сказал один из сержантов, глядя на градусник, спустя час наших непрерывных телодвижений. – Можно и спать ложиться.

Но это был далеко не рекорд. Рекорд нашей роты составлял 1500 приседаний за день. Сегодня эта цифра кажется невероятной, а тогда была обыденной. Только спускаться по лестнице наутро было тяжело – ноги забились и ужасно ныли.

Наша военная часть относилась к режимным с повышенной секретностью, поэтому мобильные телефоны у вновь прибывших сразу забирали на хранение. Это не значило, что тебе не дадут пообщаться с близкими. Каждую неделю солдаты были обязаны посылать домой рукописные письма. Вечером в пятницу командир давал полчаса на написание писем, после чего сержанты собирали их и отправляли (предварительно поверхностно изучив их содержание). Жалостливые письма от маменькиных сыночков о тяготах и невзгодах

военной службы, а также как на их безобидное чадое несправедливо кричат все кому не лень до адресата так и не доходили. Зато такой способ позволял быстро определить, кто и что собой представляет в действительности – в условиях военных действий это оказывается реально важным. Командир был в курсе подобного и сразу же предупредил, что домой нужно писать только хорошее, чтобы «эти мамыши потом мне не названивали и не обвиняли, что я за их сыночкой плохо слежу, его тут недокармливают, обижают и сопли платочком не подтирают». К тому же зачем давать родителям лишний повод для переживания. Это армия, как-никак. Здесь и должно быть сурово.

Что же касается непосредственно личного состава попавшего мне взвода, то это среднестатистический винегрет, причем во всем: в росте, весе, морально-воспитательной составляющей, возрасте и физической подготовленности (что в армии является немаловажной частью). И командиром этой разношерстной и совершенно не дружной в первое время шайки на ближайшие полгода (пока не закончится «учебка») стал капитан Седоренко. В наших кругах более известный просто как Седой или «взводник». Адекватных офицеров в роте было предостаточно, но нам, естественно (а как же иначе), достался именно он. Тридцатипятилетний мужчина явно с лишним весом, начальными признаками алкоголизма на лице и манией везде засовывать свой нос. Стоит отдать ему должное, ибо обладал он поистине собачьей чуй-

кой на нарушения уставного порядка. Кто-то прятал телефон, зарядку, выпивку, еду или что-то запрещенное, пусть даже ножницы (они тоже были запрещены для личного пользования как остро-колющий предмет, но, как тогда нужно было подстригать ногти, для меня остается загадкой и по сей день), — он знал, чувствовал, видел, находил. По взгляду, по поведению, по запаху — я не знаю. Порой мне казалось, что он обладал третьим глазом и чуйкой экстрасенса, а в сочетании с его черствым и сволочным характером получалась гремучая смесь, не дающая солдатам хоть как-то расслабиться в это и без того непростое для них время. Про такие человеческие способности раньше я мог читать только в книгах (передачи вроде битвы шарлатанов в то время еще не были настолько популярными). И то мне казалось, что это авторский вымысел. Но наблюдать это воочию было поразительно. Поразительно и страшно, ибо попадаться приходилось и самому. Он всегда умудрялся появляться в самые неподходящие моменты. Мог лишь по бегавшему солдатскому взгляду заподозрить неладное и начать выискивать правду, а самое страшное было то, что ему это нравилось. От этого процесса он кайфовал и получал несказанное удовольствие. Хотя при первом знакомстве Седой даже показался мне вполне хорошим человеком. Веселый такой, все время шутил.

Так я еще никогда не ошибался...

Пробежки и зарядки проходили каждое утро. Старший

офицер выстраивал роту на улице перед казармой и говорил: – Больные, освобожденные, ущербные – выйти из строя. – С каждым днем этих людей становилось все меньше, но все равно около пяти человек сделали шаг вперед. Он оглядел их взглядом и добавил: – Ладно, девочки, стойте здесь, а мы с мужиками пока побегаем.

Во время пробежек я всегда старался бежать в первых рядах, потому что хотел и мог. Хотя бегать в тяжелых армейский берцах и казалось неоправданной глупостью (ведь уже давно существует специальная обувь, придуманная для такого рода занятий, – кроссовки), но такие мысли посещали меня лишь в первые дни службы, потом им надоело. Половина людей от непривычки занятия спортом сразу же отставали, что приводило в ярость нашего «взводника». И сразу после завтрака в одно прохладное осеннее утро он привел нас на стадион (точнее, автодром – место тренировки водителей грузовых и бронированных автомобилей) для тренировки. Вскоре взводу предстояла сдача первых нормативов, одним из которых была дистанция на три километра. В положенное время могли уложиться лишь единицы.

Первым делом Седой решил свой взвод по-армейски замотивировать, а мотивация в армии является очень важной составляющей. Я бы даже сказал, ключевой. Это просто залог победы. Нужно только ее правильно подобрать, а наш капитан был еще тем экспертом в поиске мотивации. И делал это с большим удовольствием. Пока мы расслабленно сто-

или на старте и настраивались на бег, капитан направился в расположившийся рядом местный уличный туалет. Далеко не самое приятное и чистое место в округе, его, скорее всего, не чистили со времен строительства в могущественной стране, которой уже более двадцати лет не существует. Света внутри не было, лишь скрипящая входная дверь размеренно покачивалась в такт набегаящим порывам ветра. А в деревянном выцветшем полу зияли три черные дырки, разделенные шаткими полусгнившими перегородками. Паутина, темнота и зловоние были его неотъемлемыми составляющими. Спустя несколько минут повеселевший капитан вернулся с улыбкой безобидного дауна на лице и тремя металлическими ведрами и небрежно выставил их перед нами в ряд. Он поднял голову на солдат и какое-то время не переставал улыбаться. Вся эта ситуация казалась ему вершиной армейского остроумия. Он выступал на воображаемой сцене перед своими воображаемыми поклонниками на своем воображаемом бенефисе.

– Итак, что же это такое и для чего, спросите вы... – начал толкать свою речь Седой.

Тишина. Солдаты стояли и с волнующим любопытством слушали его речь, изредка переглядываясь. Вряд ли кто-то догадывался об истинной причине и предназначении вынесенного перед строем инвентаря.

– А это, мои родные, мотивация... Мне не нравится то, как половина из вас бежит по утрам. В конце роты почему-то

всегда бежит кто-то из нашего взвода. Один, два, три... Но обязательно из моих. Так быть не должно. Это удар по моей репутации перед всем офицерским составом. Правильно я говорю, Петров?

Младший сержант Петров стоял первым в ряду и был заместителем командира взвода, он был срочником, но на полгода старше остальных, и от капитана ему доставалось больше всех. Особенно за своих подчиненных, то есть за нас. Очень уж Седой его любил. А быть его любимчиком – страшный приговор.

– Так точно, товарищ капитан, – автоматически ответил Петров, но при этом сурово и зло пробежавшись взглядом по всему личному составу, как бы предупреждая о возможных последствиях.

– Так точно, – зачем-то повторил за ним капитан, но с более мягкой интонацией и продолжил: – Итак, ближе к сути... три человека, которые пересекут финишную прямую последними, возьмут по металлическому ведру и вычистят этот туалет. – Он указал в нужную сторону, хотя этого не требовалось. Все сразу поняли, о каком туалете идет речь, и ужаснулись. – Давно уже следует это сделать. Я расскажу еще, где можно взять лом с лопатами, а то ночью ударили заморозки, и боюсь, что там внизу все позамерзло. Не хотите потеть, бегая, придется потеть, выдалбливая эту вечную дерьмовую мерзлоту. Смысл понятен?

Этот смысл уловили бы даже люди с умственными откло-

нениями, которые, вероятно, среди нас все же присутствовали, но желания исполнять наказание не было ни у кого. Раздалась команда «старт», взвод дружно рванул вперед. И признаюсь вам, что до этого момента так быстро в своей жизни я еще никогда не бегал, а ведь с этим у меня проблем не было, несколько раз в детстве мне удавалось даже убежать от соседской собаки, воруя яблоки в чужом огороде. Самое интересное наблюдение, сделанное мною в тот момент, — это то, что люди, плетущиеся по утрам всегда в конце строя и еле передвигающие ноги, давали фору всем сразу, я с трудом умудрялся не отставать. Вот что значит правильная мотивация, но общая задача была не уложиться в зачетное время, а не попасть в последнюю тройку «призеров». Сердце бешено колотилось и разгоняло кровь, насыщенную кислородом, по всем конечностям. Легкие обжигало от чрезмерной нагрузки и частоты вдохов, казалось, что вот-вот они надуются и лопнут, как воздушный шарик. Адреналин кипел в крови, вероятно, даже сильнее, чем у участников Олимпийских игр. Скорости перемещения нашего взвода по стадиону в тот момент мог бы позавидовать и Усэйн Болт. А эти блестящие ведра возле финиша заставляли лететь вперед, забывая о сопровождающей и усиливающейся мышечной боли.

Я, естественно, уложился в требуемый норматив и пришел на финиш одним из первых, но далось это мне ой как нелегко. Средний результат бега взвода резко увеличился и побил

все мыслимые и немыслимые рекорды, капитан остался доволен и пожалел последних трех финалистов, отпустив всех с миром обратно в расположение роты. Со словами:

– Вот так чтобы бегали каждое утро, теперь я знаю, что вы на это способны. Убирайте ведра обратно...

Что-то человеческое в нем еще оставалось. Немного. Но все же...

Командир взвода Седой все же заслуживает небольшой отдельной истории. Небольшой – исключительно для того, чтобы не раздуть его и без того преувеличенное эго. Седой был человеком весьма специфическим, с избыточным весом и непонятной для меня потребностью постоянно морально издеваться над личным составом, находящимся в его подчинении. Как я подметил ранее, это занятие ему казалось невероятно веселым. Порой в выходной день дежурный по роте, подталкиваемый и подначиваемый личным составом, шел просить разрешения на внеочередной перекур или включение телевизора (в армии все делается только с разрешения ответственного, хочешь покурить – спрашивай, включить телевизор – то же самое, сходить в туалет – действуй по вышеописанной схеме). Всегда и во всем, в каждом шаге и каждом вздохе на чьих-то плечах должна лежать ответственность (так проще наказывать – виновный всегда под рукой). А просмотр телевизора – роскошь небывалая, даже для выходного дня (за исключением программы новостей). Солдаты рассаживаются на табуретках в несколько рядов в цен-

тральном проходе казармы. Там же обычно висит и телевизор. В будние дни он является обязательной частью распорядка дня. Каждый день минут на пятнадцать его включают для просмотра новостей. В выходные дни время его просмотра, а также разновидность возможных передач значительно расширяются. Солдат сидит перед экраном, как ребенок перед любимыми мультиками, впитывая глазами каждую секунду, каждый момент, каждое движение. И абсолютно не важно, что показывает экран, солдат смотрит все подряд. Лично для меня в приоритете оказались музыкальные клипы с песнями и танцами, в которых можно увидеть полуголых танцующих девушек и простую счастливую беззаботность, которой в армейской жизни так не хватает.

Так вот...

Капитан сидел за столом в своем кабинете и что-то писал. Дежурный подошел, как положено, – три строевых шага, руку к голове:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться, дежурный Пупкин (ну, например) ... Разрешите личному составу посмотреть телевизор. – В общем, ничего необычного, все по уставу, можно было спокойно кивнуть в ответ, и все бы остались довольными. Можно было, но только не капитану...

На просьбу дежурного Седой поднял голову и с присущей ему идиотской улыбкой, которая не сулила ничего хорошего, ответил:

– Конечно, можно, смотрите... – дежурный даже успел

на секунду обрадоваться, но весьма преждевременно, – только не включайте его... Ну, чего встал, не знаешь, что дальше делать?

Дежурный в легкой растерянности вернулся к солдатам и дал соответствующие команды. Капитан остался доволен.

Мы все тем временем расселись в несколько ровных рядов на табуретки и наслаждались ровным черным экраном выключенного телевизора, пока эта шутка капитану не надоела, а на это потребовалось несколько часов.

С перекурами временами происходили весьма похожие истории.

– Товарищ капитан, разрешите перекурить.

– Конечно, разрешаю, – и на лице вырисовывалась до боли знакомая улыбка. – Взвод, внимание, команда «ГАЗЫ»!!!

По этой команде солдаты дружно кидались к своим противогазам, чаще всего висевшим либо на поясе, либо на кровати, но всегда под рукой, и моментально натягивали их на лица. На все про все давалось времени порядка семи секунд, и если нигде не замешкаться, то этого времени оказывается вполне достаточно. В противном случае, если капитану покажется, что многие не успели, замешкались или делали слишком медленно, взвод может провести ближайшие пару часов тренируясь.

– Вот теперь курите на здоровье, – удовлетворенный своим юмором, продолжал Седой. Все дружно выходили в противогазах в курилку, расположенную у входа в казарму, пару

минут стояли, глядя друг на друга через запотевающие стекла, смеялись и возвращались. Поскольку мы являлись одной боевой единицей – некурящие стояли в противогазах вместе со всеми остальными. Сначала это напрягало, потом казалось веселым. Человек способен скучать в замке, окруженный золотом и богатством, а может веселиться по пояс в грязи. Все зависит только от тебя и твоего мышления.

Вспомнилась еще одна из «фирменных» шуток нами «обожаемого» капитана (он же был очень веселым, издевательски веселым).

– Товарищ капитан, можно... – обращается к нему новобранец, еще не привыкший к армейской уставной форме общения.

– Можно за хер подержаться, а в армии при обращении говорят «разрешите», – перебил он.

– Товарищ капитан, разрешите... – попытался исправить солдатик, но назад дороги уже не было.

– Разрешаю за хер подержаться... – с улыбкой во весь рот констатировал окончание диалога Седой. Что же хотел солдат, так и оставалось «за кадром».

Но вся эта странная напряженная жизнь в пропитанной потом военной форме не заикливалась на одном-единственном не самом приятном офицере.

«Не делайте умного лица, вы же военный...» – крутится в голове известная и необыкновенно жизненная в то время фраза.

Со временем к этой напряженной жизни и еще более специфичному армейскому юмору начинаешь привыкать, и (о, боже) он кажется тебе забавным, веселым и даже смешным. И это пугает больше всего. Кажется, что ты становишься таким же, как и все те, кто в начале службы казались просто сумасшедшими. Теперь ты влился, насытился этим насквозь, стал одной из маленьких частичек странного механизма под названием Российская армия.

Спустя месяц службы в рядах нашего взвода состоялась присяга. Все прошло в штатном режиме. И даже Седой, угрожавший при плохом поведении выдать на присягу часто косячившим солдатам вместо автомата саперные лопатки, чтобы при родственниках было «стремно», в конечном итоге оказался доволен. Со всех уголков страны к тебе приезжают (единственный раз в году) родственники на это праздничное мероприятие. Играет оркестр. Все выглажены, чисты, нарядны. Произносятся громкие, торжественные речи о чести, достоинстве, верности. Солдаты маршируют в до блеска начищенных берцах. И бац... В твоих руках старая деревянная лопатка вместо всеми известного автомата Калашникова. И тут все твои близкие люди видят, что даже Родина не доверяет тебе оружие. Хоть и незаряженное. Хоть и для своей защиты. Но нет. Ты недостаточно хорош. Это действительно стремно...

Присягу я пропустил. Как и предшествующие ей первые стрельбы, проводимые накануне. Отлеживаясь в госпитале

все с тем же мучившим меня и никак не хотевшим заживать пальцем ноги. Я был достаточно осведомлен обо всем происходящем в пределах взвода. Присягу пришлось принимать прямо в госпитале. Без торжественных мероприятий, а тихо и аккуратно. Переодеваясь в одну единственную, представленную явившимся из роты офицером военную форму одежды поочередно и читая текст с папки перед висевшим на первом этаже портретом министра обороны (нынче бывшего). Все тихо и быстро. Через полчаса я уже снова лежал в кровати в своем безразмерном госпитальном костюме, почитывая взятую в местной библиотеке книгу.

Когда, наконец-то выписавшись, я шел на стрельбище в первый раз (а это порядка пяти километров в обмундировании с оружием в руках через лес), на улице уже выпал густой и пушистый снег.

Командир части собрал всех солдат на плацу для патристических речей и напоминания правил техники безопасности при обращении с оружием. Из разряда: «раз в год стреляет даже палка, а автомат стреляет куда чаще и куда эффективнее» или «вы собрались здесь не просто так, не для того, чтобы попусту потратить год своей жизни, а для того, чтобы научиться убивать врага» (большинство же из нас считали, что для того, чтобы научиться ровно заправлять кровати). Эти мотивирующие фразы в солдатских кругах становились крылатыми, особенно в моменты ежедневной чистки снега — листьев — чего угодно.

Дорога на стрельбище занимала около часа и тянулась тонкой тропой через густой лесной массив. Она была невероятно красивая. Двигаясь по натопанному, но еще хрустящему под тяжелыми ботинками снегу, я отдыхал и душой, и телом. Это были первые за все время нахождения в армии минуты спокойствия и умиротворения. Вокруг тишина, где-то спереди с трудом различался еле слышный крик старшины, он терялся в этом холодном мире. До нас доносились лишь ничего не значащие отголоски. Люди шли тонкой линией, один за другим, на дистанции не более двух метров, и эта живая цепочка уходила зигзагами далеко вперед, прячась среди множества стволов деревьев и больших белых сугробов. Ветки деревьев прогнулись под толстым слоем выпавшего накануне, липнущего ко всему подряд и приятно поблескивающего на свету снега. Солнце поднималось, обдавая нас ярким, но совершенно не греющим светом, а в лицо дул слабый зимний, но приятный ветер. Передвигаться со снаряжением и оружием в руках было немного тяжело, но от этого организм сразу заработал, как старая печка на сухих дровах, и всем спустя пятнадцать минут пути становилось жарко. Окаемка шапки-ушанки намокла от пота, а лица приобрели здоровый и сказочный румянец. Я расстегнул верхнюю часть воротника, пока командование не видит, и просто получал удовольствие от приятной прогулки. Когда-то она закончится. Когда-то закончится все.

В первые дни в это не верилось...

По прибытии на стрельбище все построились, устроили перекличку (дабы не потерять никого в лесу с казенным автоматом) и отправились на инструктаж по метанию учебной гранаты. Капитан Тихий (фамилию уже не помню, это ее производное, как и все упомянутые в этом рассказе), который и забирал нас из распределительного пункта, спортивного телосложения, высокий, светлый мужчина, командир другого взвода, рассказывал построившимся перед ним солдатам отличия учебной гранаты от боевой. Все дальнейшие действия происходили на улице, под навесом, около заснеженной и еще не расчищенной полосы с препятствиями. Перед капитаном располагался стол, на котором лежали несколько гранат и какие-то запчасти к ним. Остальные присутствующие (порядка ста человек) выстроились вокруг него и внимательно слушали. Это было действительно интересно, а в армии так бывает редко.

– Товарищ капитан, так она сильно взрывается? Учебная-то... – Задал вопрос один из солдат, с любопытством глядя, как капитан во время рассказа то выпрямляет, то сгибает предохранительные «усики» на зеленом полукруглом устройстве для убийства себе подобных.

– Да не особо, – ответил капитан и тут же, потянув за кольцо, выдернул его и аккуратно бросил гранату к ногам солдат из первой шеренги.

Не знаю, ожидал ли он такой реакции, но через секунду строй исчез. Все не задумываясь попрыгали кто куда. Из су-

гробов торчали болтающиеся ноги, за столом образовалась куча из людей (как будто это могло их спасти), а некоторые даже успели добежать и спрятаться за стоящий в двадцати метрах офицерский уазик. Стоит заметить, что на гранату, дабы защитить своих товарищей, пожертвовав собою, не прыгнул никто, включая меня (даже мысли такой не зародилось). Видимо, черта самопожертвования не работает на «холостых оборотах», ее нужно воспитывать и тренировать.

Раздался взрыв, сравнимый с большой новогодней петардой. Вверх взметнулось облако светлого дыма. Спустя еще секунду последовал всеобщий офицерско-сержантский смех тех людей, которые знали, какой силы будет взрыв. Оболочка гранаты осталась лежать на месте, у нее всего лишь выбило дно (как и, видимо, у большинства присутствующих). Граната учебная, а страх настоящий.

Я вылез из сугроба, отряхнулся, подождал, пока все просмеются, и направился на поле для метания. Это заблаговременно расчищенная площадка с установленным по центру манекеном человеческой фигуры (естественно, из покрашенной зеленым цветом фанеры) и небольшим окопом. От манекена расходились круги различного диаметра, как на воде, если бросить в нее камень. Круги позволяли оценивать точность бросающего, но в идеале нужно было попасть гранатой именно в его фигуру. Самое главное в этом мероприятии я уяснил сразу, как только первый бросающий полу-

чил по каске деревянным флажком командующего процессом за нарушение только что рассказанной техники безопасности, — ни в коем случае нельзя смотреть ей вслед. Для того чтобы понять, куда она приземлилась, рядом сидит офицер. Задача обучаемого — кинуть и нырнуть в окоп. Ведь в бою при метании гранаты самое важное то, чтобы при ее использовании, помимо метаемого, убило еще и хотя бы одного врага (лучше нескольких). Я в силу своей дурости сразу же перестарался и запульнул ее далеко за площадку, прямоком в наваленный сугроб. Последующие полчаса были потрачены на закончившиеся благополучно ее поиски.

Те, кто на стрельбах плохо отстрелялся, неважно, кинул гранату или просто попал под раздачу по любому поводу, по прибытии в казарму переходили на усиленную подготовку по «системе ВДВ». На спину вешался комплект ОЗК (общевойсковой защитный костюм) наподобие парашюта, и... все. Тебе приходилось всюду с ним ходить. Весь день. Он не был особо тяжелым, но доставлял целый ряд неудобств в повседневной жизни. Приходилось выполнять всю ту же работу, те же обязанности, что и все остальные, только с «парашютом» за спиной. Мою заброшенную в снег гранату как повод для подобного наказания решили не учитывать. Первый раз все-таки. Переброс лучше, чем недоброс.

Спустя несколько месяцев службы мне по семейным обстоятельствам, ввиду тяжелого состояния отца, понадобилось отправиться домой и навестить его в больнице. Капитан

Седой (за что я ему бесконечно благодарен) оказал мне содействие в этом вопросе и помог получить у командира части отпуск на пять суток. Я был немного взволнован и сильно переживал по этому поводу. Капитана же отправили вместе со мной на вокзал для передачи меня непосредственно матери. Из рук в руки. Защитника Отечества. Всю дорогу, которая заняла порядка трех часов, что мы ехали в электричке, он просматривал в телефоне смешные видеоролики и пил баночное пиво.

– Какой приятный офицер, – сказала мама после завершения процедуры передачи, которая состояла из простой фразы «Вот ваш сын (будто она могла ошибиться), через пять суток он должен прибыть обратно в гарнизон» и напоминания статей уголовной ответственности при несвоевременном возвращении солдата из отпуска. Это на тот случай, если возвращаться я по каким-либо мотивам передумаю (были случаи).

– Да уж, приятный... – пробубнил я шепотом себе под нос, обнимая мать на вокзале. Взводный сразу же покинул нас и отправился по своим делам. Вероятно, продолжать пить дальше. На мое сопровождение ему выделили целый день.

Проведав больного отца и изрядно объевшись домашней еды (мама кормила сыночку как на убой), спустя пять дней в назначенный час я стоял в казарме. Вокруг все суетились, что-то делали, носились из угла в угол, в общем, обычный вечерний распорядок, к которому я понемногу стал привы-

касть. Седой стоял в конце казармы и кричал на солдат, за-
видев меня, он отложил это дело на потом и двинулся на-
встречу. Подойдя, я сделал все как положено, три строевых
шага и полноценный рапорт о прибытии, согласно общевой-
сковому уставу. Он был весьма удивлен моему появлению,
посмотрел на часы, затем на меня и сказал:

– А разве ты сегодня должен вернуться?

А я знал, что сегодня. Перед выездом я много раз про-
сматривал выданные отпускные документы, где черным
по белому были написаны число и время возвращения, в на-
дежде, что они немного изменятся. Отодвинутся еще на па-
ру дней. Уж слишком быстро они прошли. Но больше всего
в тот момент мне хотелось сказать: «А что, не сегодня? Тогда
я пойду еще погуляю...» Делать этого я, конечно же, не стал.
В тот момент у меня не было настроения водить красной
тряпкой перед раздраженным быком.

– Так точно, товарищ капитан, сегодня, – ответил я.

– Ладно, иди переодевайся (я был одет в гражданскую
форму, чтобы лишний раз не привлекать внимание военно-
го патруля при передвижении по городу) и присоединяйся
к остальным.

– Есть.

Седой отправился обратно докрикивать на солдат то,
от чего я его так неожиданно отвлек.

Помощь в оформлении отпуска по болезни отца была
единственным человеческим поступком капитана за весь срок

моей службы. Насколько я помню. Как только у него получалось показать себя с хорошей стороны для нас, он это чувствовал и всеми способами старался отогнать от нас эти мысли прочь, в пучину ненависти.

Каждую пятницу в расположении роты подводили итоги. Недели, дня, любого события... Неважно, что происходило, но этот процесс был прописан в распорядке дня, следовательно, был обязателен. Солдаты рассаживались в несколько рядов на любимых табуретках в центральном проходе казармы, перед ними ставили стол, за который садились офицеры что-то подводить, а также выслушивать жалобы и предложения личного состава, если такие имели место быть. Обсуждали прошедшие и предстоящие мероприятия. Косяки, залеты, благодарности... По большому счету все это было бесполезной тратой времени, как и многие происходящие здесь вещи. Порой особые темы для диалога не находились, ведь не каждую неделю происходили события, требующие особого внимания. В такие пятницы подведение итогов выглядело как молчаливое массовое сидение на табуретках. Обмен парой фраз и томительная тишина.

Весь процесс очень хорошо охарактеризовывает старый анекдот:

«Рассказывает одна подруга другой:

– Вчера встречалась с военным... всю ночь не спали...

– Ого, и чем же вы занимались, стесняюсь спросить? – интересуется вторая.

– Две минуты прелюдий, минута секса... остальное время до утра – подведение итогов».

Вот и мы подводили.

Так тянулись день за днем, неделя за неделей. За выходными приходил понедельник, потом вся неделя, и опять выходные. Дни шли, но дембель все равно никак не хотел приближаться и казался чем-то таким далеким, нереальным и недоступным. Год – это всего лишь маленькая частичка жизни, но она может пролететь пулей или ползти черепахой. Здесь, ввиду постоянного однообразия и наперекор солдатским желаниям, лететь пулей она никак не хотела.

Изредка в роте происходило что-то новое и чаще всего далеко не самое приятное.

Однажды с утра дежурный по роте (им как раз оказался наш сержант Петров) сообщил, что поймал одного из солдат за неблагородным процессом – ночью он изучал содержимое чужих штанов. Нет, это не то, что вы могли подумать. Он просто шарился по карманам сослуживцев, пока те мирно дрыхли в своих скрипучих кроватях и видели счастливые сны о радостном возвращении домой, о красивых женщинах и вкусной еде. Парень-то вроде сам по себе был неплохой, вот только такие «залеты» в суровом мужском коллективе не прощаются. Никогда. Раз оступился – «крыса» на всю оставшуюся службу. И неважно, куда тебя определяют в дальнейшем. В соседнюю роту, в соседний город или область. «Крыса» будет преследовать его все время. От нее не изба-

виться, она прилипает прочно и надолго. Справедливое наказание от сослуживцев осталось дожидаться его в ночное время суток.

Но суть не в этом, прознавший каким-то образом о проишествии Седой (он всегда обо всем узнавал) даже не повысил на него голос, хотя орать было его вторым любимым занятием, сразу после «побухать», а просто спокойно пригрозил отправить «залетчика» после «учебки» дослуживать на прекрасном и далеком острове Новая Земля в Северном Ледовитом океане. Куда после распределения (через полгода службы, а «учебка» и того меньше) отправляли по несколько наиболее провинившихся человек (благо в армии таких предостаточно). Это было не самое легкое место для службы, и добровольцев на него находилось не так много (никого), как требовалось. Я всеми силами старался не оказаться среди этих «добровольцев», ибо сам родился на севере и знал, что такое мороз, не понаслышке.

– Холодно там всего лишь полгода, остальные полгода там очень холодно, – поговаривал старшина соседней роты, старший прапорщик Казак, девять лет прослуживший на этом острове, что, несомненно, сказалось на его суровом характере, но о нем речь пойдет немного позже. Обязательно пойдет.

Воздействие офицерского состава на неподобающее поведение крысоватого солдатики этим и ограничилось, но не личного состава. Все с нетерпением ждали ночи. Воспитательной ночи справедливости.

После озвученной дежурным по роте долгожданной команды «отбой» несостоявшегося четырнадцатого друга Оушена поставили в угол (практически как маленького ребенка в детском саду, ибо армия, если приглядеться, имеет с ним довольно много общего) между стеной и шкафом перед кроватями, на которых лежали остальные члены дружного и негодующего коллектива. Лично я ожидал увидеть ту самую широко распиаренную и запугивающую всех мамашек, отправляющих своих сыновей со слезами на глазах на службу Родине, дедовщину во всей ее красе, но, к моему удивлению, сержанты прекрасно обходились и без физического воздействия. Моральное давление имело в некоторых гранях своего воздействия ничуть не меньший эффект, просто требовало чуть больше времени и опыта. С «залетчиком» просто поговорили, в такой вот обстановке, с приглушенным светом, под пристальным вниманием нескольких десятков глаз тех людей, с которыми он проводит день за днем, минуту за минутой, людей, с которыми, как бы ты ни хотел, а придется жить бок о бок еще как минимум до конца «учебки», и уж лучше, чтобы эти люди тебя по крайней мере не презирали и не ненавидели. В этих выставленных непривычных условиях довольно тяжело сохранить в себе все морально-положительные человеческие качества, воспитывающиеся в тебе обществом с самого рождения, и так легко опуститься вниз, поддавшись чему-то плохому, чему-то недостойному, чему-то, что, кажется, сделает тебя чуточку

счастливее. В реальности оказывается, что это просто очередной шаг вниз, а в жизни, когда в твоих карманах деньги появляются настолько редко и в таких малых количествах, посягнуть на них – считай, что отнять у человека – друга – сослуживца последнюю надежду на радость (последний кусок хлеба у голодающего). На хорошие сигареты, на сладкую еду, на газированные напитки... На то, что так хочется и так трудно получить. Это не понравилось никому. Все были раздосадованы и наблюдали за вжимавшимся в угол человеком волчьими глазами. Он поглядывал из стороны в сторону в поисках хоть небольшой, но поддержки. Все было напрасно. Проблемы дружат с одиночеством, а проблемы, созданные самим собой, подобные этой, порождают отвращение коллектива. Я смотрел на него с жалостью. Я не испытывал ненависти, зная, что человек слаб по своей природе, ведь для того, чтобы стать сильным, нужны усилия. Он был напуган, поддерживал двумя руками за пояс свои постоянно пытающиеся свалиться вниз из-за несоответствия размера белые кальсоны и, вероятно, предполагал, что без побоев сегодня просто не обойтись. Каждый из присутствующих сделал вывод держаться от этого человека подальше. Дружить с ним в дальнейшем было брезгливо даже людям, потенциально (а я думаю, такие здесь еще были) способным оказать на его месте. Человек, стоящий в этом темном углу, понимал, несмотря на то, что сейчас в его сторону обращены все взгляды, все от него отвернутся, а в армейской обстанов-

ке, когда от тебя отворачиваются все, становится еще более невыносимо.

Сержанты толкнули вполне приличную речь о единстве, братстве и недопущении проявления крысятничества в нашем коллективе. Он смотрел и слушал, кивая головой и постоянно говорил, что такого больше не повторится, но в глубине души (я это видел) единственное, о чем он думал, – чтобы диалог не дошел до рукоприкладства, а мечтал – поскорее оказаться в тишине в своей мягкой и немного скрипучей кровати, уткнувшись лицом в подушку под холодным одеялом.

– Если кто-то желает высказаться, подойдите к нему и скажите прямо в лицо, – предложил один из сержантов.

Остальная часть роты уже спала или притворялась, подслушивая. Лично я не собирался ничего ему говорить, все и так было понятно. Человек, как я уже говорил, слаб, и эта слабость отвратительна.

– Я хочу, – подал голос с задних кроватей Иван, высокий рыжеватый парень с небольшим дефектом речи и постоянно трясущимися от неведомой хронической болезни руками, очень уж напоминающей синдром вечного похмелья. Как он оказался в армии, было непонятно. Вместе с тем Иван был довольно жестким и грубым человеком, большую часть своей жизни проводившим на улице в соответствующей компании не самых благоприятных людей. В общем, пил, курил, ругался матом (все, как я люблю)...

– Давай, – махнул рукой Петров, лежа на кровати прямо перед перепуганным «залетчиком».

Ваня встал с кровати и бодрой походкой направился к виновнику сегодняшнего ночного собрания, а страх и недовольство любителя пошариться по чужим карманам росли с каждой минутой, ибо на эту воспитательную беседу тратится еще и драгоценное время сна. То самое время, о котором солдат страстно мечтает весь свой тяжелый день, – укутаться в колючее одеяло и погрузиться в мир грез. Так и приятнее, и служба быстрее проходит. Солдат спит – служба идет.

– Ваня, только без рукоприкладства, – вовремя уточнил Петров, предвидя дальнейшее развитие событий и глядя на приближающегося к жертве с довольным лицом в темноте Ивана.

Ваня остановился, посмотрел на сержанта, потом перевел взгляд на забившегося в угол сослуживца и разочарованно произнес:

– Ну, тогда мне нечего ему сказать, – развернулся и пошел обратно к своей кровати.

После непродолжительной беседы все улеглись спать. К счастью, такие случаи воровства и недостойного поведения военнослужащих среди своих людей происходили не так часто (точнее, попадались с поличным не так часто), а скорее в виде исключения.

Каждую неделю солдатам исправно давали положенное количество конфет или сигарет. На выбор. Вне зависимости

от того, куришь ты или нет, ешь ты сладкое или нет. Положено – получи, а там уж распоряжайся ими на свое усмотрение. Ешь, кури, раздавай, выбрасывай. О, этот дивный запах отечественных сигарет «перекур». Суровое армейское курево. На вкус они были хуже соломы. Да, я не мог не попробовать, и вряд ли кто-нибудь смог бы заставить меня сделать это еще раз. Если у тебя спрашивали сигарету, а в кармане была только пачка «перекура», лучше говорить, что сигарет нет. Их все равно не возьмет ни один уважающий себя курильщик. Люди, у которых закончились сигареты, предпочитали мучиться и не курить вовсе, чем к нему прикасаться.

Конфеты тоже не отличались особой изысканностью (сосательные леденцы), но уходили намного быстрее. И пользы от них было больше.

Служба в армии – это не только постоянное марширование на плацу. Это прежде всего служба государству, людям. Вот и довелось однажды нашему взводу участвовать в поиске пропавшего ребенка из соседнего села. Командир части решил оказать помощь людям и направил туда солдат для прочесывания близлежащих лесных массивов. По официальной версии, мальчишка десяти лет от роду поругался с отчимом и убежал из дома.

«Остынет и вернется, никуда не денется», – подумала, видимо, мать и не кинулась ему вслед.

А он не вернулся. Ни ночью, ни утром. Собрались полицейские, МЧС, волонтеры и даже местные репортеры. Нас

погрузили рано утром в автобус и повезли к прилегающей лесополосе. Взять приказали только фляги с водой, вещевые мешки и резиновые сапоги. Предвидя вероятную возможность остаться голодным, я все же решил прихватить с собой этих самых конфет и покидал несколько пачек (по 200 г) в мешок. Это оказалось очень даже кстати.

При въезде в небольшую деревеньку в часе езды от нашей военной части моему взору открылась удивительная картина. На съезде с шоссе, недалеко от центральной и единственной поселковой дороги, стояла водонапорная башня из красного кирпича, такие встречаются довольно часто в небольших населенных пунктах. Типичная, ничем не отличающаяся от сотен других, видимых мною ранее. Но что-то необычное в этой картине приковало мое внимание. Что-то сказочное. Что-то волшебное. То, что не сразу бросилось в глаза, но захватило мой взор целиком и полностью. На ее крыше было построено огромное, невидимое мною никогда ранее гнездо аиста, прямо в центре которого возвышалась, слегка перебирая длинными худыми ногами, величественная птица. Диаметр гнезда практически совпадал с диаметром крыши башни, что придавало всей конструкции некоторую естественность. Сначала я даже подумал, что это всего-навсего декорация, но аист повернул голову в сторону нашего автобуса и внимательно следил за его приближением. Это зрелище было удивительно для городского человека. Удивительно для меня.

Пробыли на поисках мы ровно два дня. Ходили цепочкой и группами по заброшенным домам, по лесам и полям, заглядывали в колодцы, водостоки и прочие подозрительные места, которые могли оказаться местом страшной находки. Обедать, естественно, времени не оставалось. Поэтому днем нас спасали от голодного обморока только эти самые конфеты «Барбарис». Они повышали сахар в крови и утоляли чувство голода, а если добавить несколько штук во флягу с водой и хорошенько взболтать, получался довольно неплохой лимонад, как правило, всегда теплый. На второй день поисков мы подготовились куда лучше и забили конфетами все свои карманы. Было очень вкусно, как мне казалось тогда. Съесть добровольно сегодня одну такую конфету я вряд ли решусь. Времена меняются. Покормить по-человечески голодных солдат додумались лишь под вечер второго дня. И то волонтеры. Они быстро организовали нам стол из всего, что было под рукой в их расположении. Получилось очень даже неплохо. Особенно если учесть, что за последние два дня в моем рационе не было ничего, кроме конфет. Вставляли мы раньше, чем открывалась столовая, а возвращались уже после ее закрытия. Поэтому и ходили как сахарные зомби.

В конечном итоге, когда следователи стали подозревать в исчезновении ребенка отчима с матерью (к сожалению, так бывает чаще всего) и началось доскональное обследование огорода хозяев на предмет свеженькой могилки, ребенок нашелся. Он отсиживался все это время в подвале старого до-

ма на соседней улице (и без конфет). Живой и здоровый, насколько это может быть после трех дней, проведенных в старом, заброшенном доме. Почему он не вернулся домой – для меня осталось загадкой. Солдат погрузили в автобус и увезли обратно в пределы родного гарнизона.

В своей войсковой части нас поблагодарили за участие в спасательной операции, а начальство даже пообещало разослать благодарственные письма по домам. Все испытывали дикую гордость. Но обещанного, как говорится, три года ждут. Я ждал. Письмо не пришло.

Обещать – не значит жениться.

Больше всего нас обрадовала в этой ситуации возможность вновь режимно питаться в любимой армейской столовой. Той самой пищей, к которой в первое время было очень тяжело привыкнуть, несоленой и вечно переваренной, и по которой мы так скучали в лесу, разжевывая слипшимся ртом эти хрустящие на зубах леденцы. Той столовой, в которой никогда не бывает ни свежих овощей, ни сладкого, ни жареного. В которой раздают еду всем поровну, вне зависимости от роста и веса, поэтому самые голодные персонажи (по-армейски «нехватки») всегда пытаются достать пожрать что-нибудь еще. Обменять добавку к порции на сигарету или подружиться с поварами. Добыть любыми способами и желательно что-то повкуснее местной баланды. Они могут жевать всегда и везде, в любом месте: в кровати, в строю или даже в туалете (были случаи).

Утром во время заправки кроватей у одного из таких персонажей из кармана выпал фантик от шоколадки. Не заметившие этого солдаты благополучно запинали его прямо на середину прохода между кроватями, где он и был благополучно обнаружен нашим «взводником».

— Опаньки, а кто это у нас такой голодный во взводе, что аж по ночам жрет в расположении? Кого это в столовой так недокармливают? — раздался ехидный голос Седого. — Петров, строй взвод.

Через несколько секунд солдаты стояли по стойке смирно в центральном проходе.

— Чей это мусор? Кто у нас самый голодный? — начал выпытывать капитан. — Есть в пределах расположения взвода запрещено уставом. Кто из вас этого не знает? Для приема пищи существует специально отведенное место — столовая. Итак, я повторяю, чей это мусор?

В ответ — тишина. Было изначально понятно, что виновник в такой ситуации вряд ли сознается. Побойтся. В моем взводе я знал всего несколько человек, способных, не испугавшись, признать свою вину, но они по ночам не жрали. Зато Седой был доволен. Очень уж он любил свою работу в такие моменты. Получал искреннее удовольствие от любой возможности поискать виноватого. Ему нужно было идти работать следователем. «Плохим» полицейским из американских фильмов.

— Хорошо, будем действовать другими методами, — задум-

чиво сказал он.

Спустя две минуты взвод бежал пятикилометровый забег в поле с саперными лопатками вместо автоматов. Бежали не просто так, а с определенной целью – как следует похоронить этот злополучный фантик. В промерзшей земле не без труда была выкопана маленькая могила, куда сержант опустил бережно хранимый этот самый фантик от шоколадки. После почтительной минуты молчания и одышки холодным воздухом яма благополучно была закидана землей и утоптана солдатскими берцами. Не хватало лишь пары грустных речей в память об упокоенном (хотелось так пошутить, но я не стал). Так нас довольно быстро и доходчиво отучили разбрасывать мусор. Больше фантики в казарме на полу не валялись. Урок был усвоен. Всеми.

В армии все имеет свое место. Каждый шаг военнослужащего уже был детально описан в нелюбимой и надоедливой книжке с зеленой обложкой под названием «Общевойсковые уставы». Как, зачем и куда... Весь быт простой солдатской жизни вплоть до мелочей был занесен в эту книгу. Даже необходимое количество писсуаров на имеющееся количество людей давно подсчитано и напечатано черным по белому. Всех первое время раздражали постоянные уточняющие надписи: «Охраняемая зона. Проход (проезд) запрещен (закрыт)» или «Место для мытья ног» возле ножных раковин высотой по уровню сапога. Понятно же, что рожу там не помоешь. Понятно всем, кроме солдат. Они умудряются,

если потребуется. Им нужно все уточнить и разжевать. Рассказать, что нужно делать, и показать пальцем, где это делать. Не удивился бы, если под этой табличкой была еще одна маленькая табличка: «Место для таблички «Место для мытья ног»».

Первое время новобранцам вообще непонятно, что происходит вокруг. Что это за дикий мир, в который по своей наивности и глупости они умудрились попасть. Ведь он же находится совсем рядом с привычным, буквально прямо за стенкой из колючей проволоки и за людьми с автоматами, и выглядит почти так же, только сумасшедший. Они путаются в званиях, должностях, не понимают, как постоянные заправления и переправления кроватей, отбивание, выравнивание по веревке (от одного края казармы до другого натягивают нитку и по ней ровняют матрасы, подушки и полоски одеял), ежедневное подшивание к воротничку белой тряпичной полоски связано с этим благороднейшим делом – защитой Родины.

Однажды я оказался свидетелем, или, как говорил один из моих сослуживцев, очевидцем (потому что свидетели долго не живут), как один из солдат, звали его Дмитрием, нашего взвода хотел о чем-то попросить капитана Седого, но немного переволновался.

– Товарищ старший прапорщик... – начал было он, хотя всем стало ясно, что на этом и закончит.

Поняв, что совершил непоправимую ошибку, исправить

которую было уже невозможно, он просто молча смотрел на наливающееся кровью лицо капитана. От злости его пухлые щеки затряслись, а глаза впились в помрачневшего солдата. В армии такое не прощается, если тебя назвали выше званием – это одно дело, можно посмеяться и отшутиться, а вот ниже... Такой наглости капитан не ожидал. После десятисекундного молчания Седой был похож на сорвавшегося с цепи питбуля, не хватало только брызжущей во все стороны слюны, хотя, может, я чего и не заметил (далеко стоял). В итоге, как всегда бывает (ох уж этот коллективизм), пострадал весь взвод. Капитан «выдрал» хорошенько за незнание офицерских званий весь сержантский состав, а те в свою очередь отыгрались на солдатах. Дима, сам того не ожидая, своей просьбой устроил нам неплохой досуг.

Когда солдат «косячил» или «залетал», капитан любил демонстративно рассуждать о возможных способах наказания, порой они были довольно садистские.

– Видите, как у меня изощренно работает фантазия, но я же вас жалею, – примерно таким подтекстом обладали его речи. Если солдаты засовывали руки в карманы перед сержантами и офицерами, то к вечеру можно было оказаться в строю с зашитыми карманами, чтобы избавиться от этой порочащей привычки.

– А еще, – рассуждал Седой, – можно зашить в кармане кусок хлеба, первые пару дней, конечно, ничего страшного, а вот потом... хлеб подсыхает и крошится. Все начинает че-

саться и колоться, вызывая довольно неприятные чувства. Легкий, так сказать, дискомфорт.

В конце разговора он добавлял:

– Если же кто-то на меня обижается, то я официально (подчеркиваю – **ОФИЦИАЛЬНО**), разрешаю отомстить: набрать в рот говна и обрызгать меня.

Все эти разговоры сопровождались неугасаемой легкой улыбкой на лице. Конечно, в большинстве случаев все ограничивалось лишь разговорами, и за это мы ему безмерно благодарны. В нем жил тяжелобольной нормальный человек, при смерти, лишь иногда приходя в здравый ум и напоминая о себе.

– Когда-нибудь я уйду на пенсию и напишу книгу, – любил повторять он. – Книгу об идиотах и идиотских ситуациях, в которых оказываются солдаты и офицеры. Благодаря вам я набрал предостаточно материала.

А уж как он изощрялся при поиске неучтенных сотовых телефонов. Напоминаю, что они были запрещены и выдавались лишь в выходные и праздничные дни на пару часов. Отзвонился родственникам, и будь добр сдать его обратно на хранение старшине. Будешь плохо себя вести – в выходные окажешься без телефона. Многие пытались перехитрить Седого, прятали их, покупали вторые трубки, хранили в матрасах, сапогах или где поглубже. Седой чувствовал такое на расстоянии. Поиск у солдата мобильного был его любимой игрой. И он почти всегда в нее выигрывал. Один раз

в расположении роты ему удалось вычислить наличие телефона по включенному блютузу (солдат просто забыл выключить и тем самым дал себя обнаружить, дальше было лишь дело техники и вывернутых карманов). Другой раз он обыскивал солдат из-за постоянного срабатывания сигнализации в комнате для хранения оружия – это такое помещение в казарме, находящееся постоянно под наблюдением и под сигнализацией. Там хранится боевое оружие (как же еще в армии может называться такое помещение). Сигнализация срабатывала при слишком близком нахождении включенного телефона. Когда солдат терял бдительность и проходил возле двери в комнату – под ревущие звуки тревоги начинались обыски. Он всегда находил, что искал. По глазам солдата, по дыханию, по пульсу, по запаху... Планы на вечер во взводе после такого сразу менялись на более активные. Коллективизм, мать его. Попадается один – страдают все.

– В прошлом призыве, когда дембеля получили свои документы и заходили в автобус, который должен был увезти их домой, один солдат выкрикнул провожающему их капитану Седому, что клал на него хер (он, видимо, ждал этого с нетерпением целый год), – рассказывал нам сержант во время перекура. – Так и сказал в окно автобуса: «Товарищ капитан, я на вас хер ложил...»

– Да-а-а, видеть бы его лицо в тот момент, он, наверное, посинел от злости, – говорю я.

– У каждого будет такая возможность увидеть в скором

времени, — смеялись мы.

Несмотря на бытовые «радости» повседневной жизни, выходной солдаты всегда ждали с нетерпением. Ведь выходной — это праздник. Спишь на час дольше (что может быть лучше?). Зарядки нет (еще один плюс). Приезжают навестить родители и жены (без комментариев). Привозят «человеческую» еду и кучу различных сладостей. Настроение приподнятое. Солдатики пелятся из окон казарм на приехавших девушек и отпускают пошлые и примитивные шуточки. Красота...

Родители привозили любимому отроку еды, сидели за столом и любовались, как сыночка уплетал половником из тазика мамкин салат. И ведь все съест, сколько ни привези, а на что не хватало сил, так сослуживцы помогут. В этом на них всегда можно положиться.

Если выходной проходит гладко, то это действительно немного расслабляет солдата, он получает небольшую дозу морального и физического отдыха, достаточную, чтобы дотянуть до следующих выходных. Однажды ночью после отбоя нас ждал сюрприз. День выдался благополучный. Сержанты находились в хорошем настроении, а в первое время службы это была поистине редкость, все болтали и смеялись. У Седого был выходной (основная причина массовой радости), в казарме он не появился за весь день ни разу (сразу плюс тридцать процентов к настроению роты). Больше такого я за все время службы не видел. Каждый из взвода взял

в руку свою подушку и во главе сержантов в темноте ринулся лупить ею друг друга. Прямо на центральном проходе казармы. Взвод на взвод. В полутьме. Дежурный по роте выставил у окна несколько молодых ребят. Чтобы они наблюдали, не идет ли какой-нибудь офицер их проведать, а такое бывало довольно часто. Сам же он сидел на стуле и звонко смеялся, но в этом смехе прослеживалась нотка испуга – не дай бог это всплывет или кто-то проболтается. Ему предстоит долго стоять в нарядах за такой казарменный беспредел. Такая разрядка была просто необходима. Спустя полчаса все спали как убитые. Убитые и счастливые. И готов поспорить, что сны в ту ночь всем снились исключительно хорошие. Такие, которые посещают людей в этих холодных и старых, окрашенных бледной краской стенах крайне редко.

На следующий день все переменялось ровно в противоположную сторону. Капитан Седой был ответственным по роте, и с самого раннего утра он оказался пьян (такое тоже бывало и не так редко, как хотелось бы). В запое после, так сказать, активных выходных. В расположении роты было страшно появляться. Все пытались как можно быстрее свалить, желательно подальше и желательно на подолыше, на весь день было бы самым идеальным раскладом. В роте все время раздавались пьяные крики и оры. Мне это было непонятно. Многие приличные офицеры (Седого я не подразумеваю) в нашей части периодически уходили в запой. Два-три дня пьянки для такого захолустного городка считалось нормой.

Как будто их жизнь была невероятно тяжелой, а может, им приходилось много воевать, видеть кровь и смерть близких. Скорее, это все от безделья, которым наполнена служба в закрытых военных городках. Хотя, возможно, окажись я на их месте, все выглядело бы точно так же. Солдату, попавшемуся в такой период дежурным по роте, приходилось несладко. Ой как несладко. Выслушивать пьяного капитана и исполнять его далеко не самые разумные приказы – дело нелегкое, а если у него заканчивался алкоголь, то к обязанностям дежурного прибавлялась еще одна – бегать в магазин (денег он, естественно, не выдавал).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.